

УДК 316. 613

**ВЛАСТЬ КАК ДИСКУРСИВНАЯ КАТЕГОРИЯ: ОСОБЕННОСТИ
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В СОЦИОЛОГИИ**

Билько Оксана Игоревна – аспирантка кафедры социологии социально-гуманитарного факультета Днепрпетровского национального университета имени О. Гончара

Статья посвящена выявлению особенностей концептуализации власти как дискурсивной категории в современном социологическом теоретизировании. Утверждается базовая роль дискурсивных практик в поддержании социального порядка и социальной стабильности в социуме. На основе анализа существующих концепций дискурса и теорий власти автор предлагает собственное определение дискурса власти, что, в свою очередь, не только позволяет дать теоретическую дефиницию, но и методологически очерчивает возможности изучения данного феномена.

Ключевые слова: дискурс, власть, дискурс власти, дискурсивная практика, социальный контроль.

Стаття присвячена виявленню особливостей концептуалізації влади як дискурсивної категорії в сучасному соціологічному теоретизуванні. Стверджується базова роль дискурсивних практик в підтримці соціального порядку і соціальної стабільності в соціумі. На основі аналізу існуючих концепцій дискурсу і теорій влади автор пропонує власне визначення дискурсу влади, що, у свою чергу, не лише дозволяє дати теоретичну дефеніцію, але і методологічно обкреслити можливості вивчення даного феномену.

Ключові слова: дискурс, влада, дискурс влади, дискурсивна практика, соціальний контроль.

Article is devoted to revealing the features of conceptualization of the power as discourse category in contemporary sociological theorizing. The basic role of discursive practices in maintaining social order and social stability in society is underlined. Based on an analysis of existing concepts of discourse and theories of power the author offers his own definition of power' discourse, which in turn not only allows to give a theoretical definition, but also to outline the methodological possibilities of studying the phenomenon.

Key words: discourse, power, discourse of power, discursive practices, social control.

Трансформация базовых модусов существования "социального" во всем многообразии проявлений его эклектичности, фрагментарности, плюрализма требует новых социологических подходов к интерпретации произошедших изменений. В сложившейся ситуации социум уже невозможно рассматривать как совокупность организованных институтов, иными словами, используя терминологию А. Турена, мы живем в "не-обществе", поскольку все его составляющие находятся в постоянном диффузном движении относительно друг друга. Представление о соответствии между акторами и системой, лежавшее в основе классической социологической теории общества, уже не обладает достаточным эвристическим потенциалом и поочередно сменяется сначала представлением о системе без акторов, затем – об акторах без системы. Ответом на подобные вызовы и стало появление теорий постмодернизма и постструктурализма в социологическом теоретизировании, которые, наряду с "лингвистическим поворотом", в качестве определяющего принципа организации социальной матрицы рассматривают дискурс. При этом изначально подразумевается, что язык – это гораздо больше, чем просто отражение реальности, а фактически конститутив социальной реальности. Другими словами, триада: дискурс – власть – контроль и является тесно связанной и конституирующей социальное целое. Исходя из этого, *актуальность статьи* определяется необходимостью концептуального анализа дискурса власти как ресурса, посредством которого акторы осуществляют свою саморепрезентацию, легитимацию, конструирование и продвижение тех или иных образов реальности, а также отсутствием новейших теоретико-методологических оснований для получения такого знания. Гносеологический аспект проблемной ситуации определяется отсутствием именно социологической традиции исследования дискурса власти как валидного концепта. На онтологическом уровне заявленная проблематика непосредственно в условиях современного украинского социума интересна в связи с поиском теоретических оснований адекватной политической стратегии развития общества в контексте распада прежних властных структур и формирования новых отношений власти.

Соответственно, *цель* нашей статьи состоит в выявлении особенностей концептуализации власти как дискурсивной категории в современном социологическом теоретизировании. Опираясь на понятие власти в значении дискурсивной категории, мы в первую очередь подчеркиваем наличие специфического

интеллектуального пространства – поля социологии, в рамках которого осуществляется "языковая игра" непосредственно с термином "власть" между субъектами производства научных нарративов, привязанная к определенному социокультурному контексту. В данном случае дискурсивная категория рассматривается нами как коммуникативная система, встроенная, с одной стороны, в дискурсивное поле социологии, а с другой, являющаяся отражением актуальных социальных реалий и предполагающая, в конечном итоге артикуляцию в различных типах научной рефлексии. Так, если в классической социологии (работы О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, М. Вебера, К. Маркса и др.) *власть* как теоретический конструкт коннотировала с понятиями *нормы, принуждения, насилия, внешнего доминирования* (заметим, что подобная лексика как раз вполне контекстуальна модерновой "картине мира"), то язык современной социологии для артикуляции власти вводит в содержательное пространство этого концепта термины *дискурса, соблазна, рассеянности, релевантности, рефлексивности* (Х. Арендт, Р. Барт, П. Бурдьё, С. Жижек, Э. Канетти, Э. Тоффлер, М. Фуко, Ю. Хабермас, О. Русакова и др.). Необходимо отметить, что среди отечественных социологов упомянутые нами "языковые игры с властью" выступают одновременно и в классической, и в современной методологических проекциях. Показательными в этом отношении являются труды В. Бурлачука, Ю. Сурмина, Е. Головахи, Н. Костенко, О. Куценко, Ю. Сороки. При этом исследовательский интерес большинства украинских ученых касается большей частью социально-психологических аспектов власти либо сводится к её прикладным проблемам в текущих политических процессах.

Итак, следуя основным положениям теории дискурса, мы понимаем социальную реальность как результат наследуемой акторами лингвистической системы, как особую дискурсивную формацию, в рамках которой происходит кодирование и регуляция порядка социума. Другими словами, дискурс анализируется не только как автономный вербальный "объект", но и как контекстуальное взаимодействие, социальная практика или тип коммуникации в социальном, культурном, историческом или политическом контексте: "Тексты представляют собой места проявления комплексов социальных значений, произведенные в конкретной исторической ситуации, которые фиксируют фрагментарные истории как участников производства текста, так и институций, вовлеченных в игру, фрагментарные истории как языка, так и социальной системы, и эта фрагментарность связана с структурированием отношений власти между участниками" [1, р. 174]. Таким образом, наблюдается постепенное смещение фокуса исследования власти в языковое пространство дискурса. Ничего не существует вне текста, провозглашает Ж. Деррида в своей фундаментальной работе "О грамматологии", что, в свою очередь, подразумевает имплицитное существование власти в социальной коммуникации. С другой стороны, интерпретация дискурса в контексте властных отношений стала возможна благодаря смене представлений о сущности и природе власти, которая утрачивает свой институциональный характер. В то время как с классической точки зрения власть определяется в терминах класса и контроля над материальными средствами производства, сегодня власть широко трактуется как управление сознанием масс, а такое управление требует контроля над публичным дискурсом во его семиотических измерениях [2, с. 21].

Концептуализация дискурса как властного ресурса наиболее ярко представлена в работах М. Фуко. По мнению ученого, сила дискурса как рычага социального контроля, с одной стороны, проистекает из привносимых им в общественное сознание оценочных схем, разделяющих слова, мысли, поступки на дозволенные и недозволенные, приличные и неприличные, публично артикулируемые и подлежащие умолчанию, а с другой - осуществляется в требованиях соблюдения дисциплинарной идентичности: "Дисциплина – это принцип контроля над производством дискурса. Она устанавливает для него границы благодаря игре идентичности, формой которой является постоянная реактуализация правил" [3, с. 68]. Следует подчеркнуть, что скрещивание понятий дискурса и власти в творчестве М. Фуко осуществляется на основе своеобразного толкования власти как интегрированного результата игры подвижных отношений неравенства: "Отношения власти не находятся во внешнем положении к другим типам отношений (экономическим процессам, отношениям познания, сексуальным отношениям), но имманентны им; они являются непосредственными эффектами разделений, неравенств и неуравновешенностей, которые там производятся; ...отношения власти не находятся в позиции надстройки, когда они играли бы роль простого запрещения или сопровождения; там, где они действуют, они выполняют роль непосредственно продуктивную" [4, с. 192-193]. Власть, пишет М. Фуко, находится везде, не потому, что она охватывает все, а потому, что исходит отовсюду. "Скорее следует предположить, что множественные отношения силы, которые образуются и действуют в аппаратах производства, в семье, в ограниченных группах, в институтах, служат опорой для обширных последствий расщепления, которые пронизывают все целое социального тела" [4, с. 194].

Созвучные идеи мы находим и в работах Х. Арендт и Т. Парсонса, которые отделяют власть от "индивидуального акта команды-подчинения" и рассматривают ее как принадлежащую не индивидам, а коллективам. Так, согласно представлениям Х. Арендт, властью никто не обладает, она возникает среди людей, когда они действуют вместе, и исчезает, как только они снова рассеиваются. Индивиды совместно

"создают" власть посредством коммуникативной деятельности и взаимодействия. Властные отношения - это отношения между равными субъектами, находящимися между собой в процессе коммуникации [5, с.69].

Таким образом, власть перестает восприниматься в качестве субстанции. Акцент смещается с анализа власти как некоего институционально выраженного феномена на исследование отношений власти, движение и видоизменение которых и определяет специфику конкретных взаимодействий индивидов. Агентами, обеспечивающими дисциплинарный контроль, выступают не только полицейские службы, но и медики, психиатры, учителя и т. д. Другими словами, происходит своего рода рассеивание власти, распределение ее между различными центрами силы. Власть, - как указывал з М. Фуко, - это не некий институт или структура, не какая-то определенная сила, которой некто был бы наделен: это имя, которое дают сложной стратегической ситуации в данном обществе [4, с. 193]. Продолжая мысли М. Фуко, Т.А. Ван Дейк отмечает: "В этом отношении сегодняшние символические элиты - политики, журналисты, учителя, адвокаты, чиновники и все, кто имеет особый доступ к публичному дискурсу, или бизнес-менеджеры, которые косвенно управляют этим доступом (например, в качестве владельцев масс-медийных империй) - все они являются теми, кого следует назвать властными группами" [2, с.25].

Еще более радикально проблематика власти заостряется в концепции Ж. Бодрийяра. Вслед за смертью Бога, Субъекта, Автора он провозглашает смерть власти. "Дело не просто в рассеивании власти, - пишет Ж. Бодрийяр, - а в том, что она полностью, пока еще непонятным для нас образом, растворилась, обратившись в свою противоположность, самоустранилась или обрела гиперреальность в симуляции..." [6, с. 40]. Бесплезно рассматривать власть как в терминах желаний, так и в терминах подавления. То, что мы принимаем за проявление власти, на самом деле есть только фикция, симулякр. Единственный путь к пониманию власти лежит через признание ее обратимости. Обратимость предполагает смывание границ между теми, кто властвует, и теми, над кем властвуют. В обратимости власти скрывается именно то, что и позволяет ей существовать из века в век - соблазн: "Власть соблазнительна, только когда становится своеобразным вызовом для себя самой, иначе она простое упражнение и удовлетворяет лишь гегемонистской логике разума", - пишет Ж. Бодрийяр [7, с. 96]

Несколько иной взгляд на проблему дискурса власти представлен в работах П. Бурдьё. С точки зрения лингвистических исследований имя французского социолога тесно связано с ключевыми концепциями лингвистического/символического капитала и лингвистического габитуса, с идеями их позиционирования на "языковом рынке", и их роли в производстве коммуникативной легитимации. Согласно взглядам П. Бурдьё, дискурс выступает в качестве лингвистической практики, управляющей ситуацией рыночного обмена. Следовательно, дискурс определяется как употребление языка, связанное со структурированием отношений власти, что, в свою очередь, позволяет говорить о наличии компетентных лиц, занятых в сфере производства коммуникативных систем: "Производство инструментов производства - таких, например, как легитимные словесные и мыслительные фигуры, жанры, манеры и стили, или, если говорить в более общем плане, все дискурсы, призванные служить "голосом власти" и примерами "хорошего языка", - дает тому, кто им занимается, господство над языком и, следовательно, над простыми потребителями языка, а равно и над их капиталом" [8]. Указанный способ властвования О.Ф. Русакова обозначает понятием "дискурсивное искусство": "Дискурсивное искусство - это одновременно символический и социальный капитал, то есть капитал, который функционирует в пространстве производства, обмена и потребления символических ценностей (знаки отличия, символы веры, мифологемы, идеологемы, статусы, иерархии, идентичность, престиж, имидж, брэнд и др.) и социальных ценностей (доверие, толерантность, согласие, взаимная ответственность, репутация и др.)" [9, с. 132].

Обращаясь к структурно-функциональному анализу дискурса как символического властного ресурса, или же символического капитала, необходимо отметить диалектическое соединение в нем *интенционального* (властные интенции, стратегии, замыслы), *актуального* (реализация властных интенций в живой деятельности, имеющей знаково-символический характер), *виртуального* (план распознавания и понимания смыслов, ценностей, идентичностей, репертуар интерпретаций), *контекстуального* (расширение смыслового поля на основе социокультурных, исторических и иных контекстов), *психологического* (эмоциональный энергетический заряд, содержащийся в дискурсе и придающий дискурсу суггестивную силу), *"осадочного"* (запечатление всех вышеназванных планов в виде документов, литературных, художественных, архитектурных и иных памятников культуры) планов [9, с. 138-139]. В свою очередь, на основе данного структурирования дискурса мы можем говорить о функциях культурно-символической репрезентации власти, идентификации и коммуникативного доминирования, который являются перформансом современного понимания властных отношений. Исходя из выше сказанного, *дискурс власти* мы определяем как организованную систему культурно-символических кодов и значений, выраженную в языковых категориях, формирующую определенные нормативные поля и тем самым легитимирующую социальное и культурное пространство, где формируются и воспроизводятся социальные практики акторов. В качестве исходных методологических ориентиров концептуализации дискурса власти именно в таком значении мы выделяем следующие постулаты:

- способы понимания и представления мира обусловлены историческим и культурным контекстом

(контекстом мы называем совокупность свойств социокультурной ситуации, формирующую декларацию дискурса. В данном случае мы исходим из понимания дискурса как "сложного коммуникативного явления, которое включает в себя социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщения [10, с. 13]". Говоря иначе, дискурс - это текст, взятый в событийном аспекте, это речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие или компонент, участвующий во взаимодействии акторов: дискурс - это речь, "погруженная в жизнь");

- знания и представления о мире – это не прямое отражение внешнего мира, а результат селективного процесса. Выражаясь языком дискурс-анализа, наши знания – продукт дискурса, дискурс – это форма социального поведения, которая служит для репрезентации социального мира [11, с. 97]. За право контролировать содержание дискурсов и каналы дискурсных коммуникаций между субъектами социально-политической и культурной жизни ведется напряженная конкурентная борьба. Властная сила дискурсов заключается в их способности производить социальные, культурные, политические и прочие идентичности. Дискурсы рассматриваются как пароли идентификации: "*Вы таковы, каков ваш дискурс*". В данном контексте уместно упомянуть Я. Торфинга, который говорил, что все формы социальных практик работают на фоне специфических для данного исторического периода дискурсов, которые выступают в качестве систем означивания. Все, что мы говорим, делаем или думаем, зависит от более или менее запечатленных в нашей памяти дискурсов (осадочные дискурсы) [12, с. 12];

- власть в качестве символического капитала является имманентно присущим культуре конституирующим фактором, который обнаруживает себя на всех без исключения уровнях человеческого бытия. Как указывает Ю. Хабермас: "Мы не должны ограничиваться в критике отношений власти теми институтами, в которых власть открыто заявляет о себе, то есть только политической и социальной властью; мы должны расширить ее до тех сфер жизни, в которых власть маскируется за приветливой внешностью культурной непосредственности" [13, с. 278]. Элементарной формой проявления власти является "локальный очаг" (foyer local) власти-знания, например, отношения, имеющие место между учителем и учеником, врачом и пациентом, руководителем и подчиненными, отцом и сыном. Все общество представляет собой "сеть" таких "локальных очагов" власти-знания.

Подводя итог, необходимо отметить несомненную эвристичность методологической позиции, предполагающей рассмотрение власти в значении дискурсивной категории, что позволяет реконструировать конкретные практики производства знаний о власти, зафиксировать, через какие понятия и категории происходит артикуляция значения власти непосредственно в пространстве современного социологического теоретизирования. В таком контексте важной составляющей концептуального анализа дискурса власти сегодня становится признание изменчивости социальных норм и регуляций, что выступает следствием трансформации дискурсивного порядка в целом, который трактуется как способ структурировать в общественном мышлении картины социальной реальности. В частности, опираясь на постмодернистские теории власти, мы акцентируем внимание на том, что властные отношения рассматриваются как неотъемлемая часть любого дискурса, существующие либо в форме коллективного взаимодействия и лишь в пределах жизни данного коллектива (Х. Арндт), либо в форме "системы отношений силы" (М. Фуко). При этом мы подчеркиваем, что подобное "рассеивание власти" является определенным способом доминирования и контроля в современном социуме, обеспечивающим нормативное регулирование социальной матрицы, поскольку главенствующие дискурсивные практики содержат набор "узловых" точек, рассредоточенных по различным полям социального тела, которые и образуют идеологическую тотальность.

ЛИТЕРАТУРА: 1. Kress G. The social production of language: History and structures of domination // Discourse in society: Systemic functional perspectives. Norwood, LJ: Ablex, 1995. - PP. 169-191. 2. Van Dijk T.A. Introduction: Discourse and Domination // T.A. Van Dijk, Discourse and Power. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008. - PP. 1-26. 3. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц.- М., Касталь, 1996.- 448с. 4. Фуко М. Воля к знанию// Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц.- М., Касталь, 1996.- 448с. 5. Арндт Х. Vita active, или О деятельной жизни. - СПб., 2000. – 168 с. 6. Бодрийар Ж. Забыть Фуко. – СПб.: Владимир Даль, 2000. – 96 с. 7. Бодрийар Ж. Соблазн. – М.: Ad Marginem, 2000. – 320 с. 8. Бурдьё П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. - М., 2005. - № 2(23). [электроний ресурс]. Доступно на http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_9.html 9.Русакова О, Спасский А. Дискурс как властный ресурс // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия "Дискурсология")– Екатеринбург:Издательский Дом "Дискурс-Пи", 2006. – С.128-140. 10. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание.Коммуникация. Пер. с англ./ Сост. В.В. Петрова. - М.: Прогресс, 1989. - 312 с. 11. Чайковский Д.В. Трансформации власти в дискурсе постмодерна // Известия Томского политехнического университета, 2009. - Т. 315. - № 6. - С. 97-102. 12. Torfing J. Discourse Theory: Achievements, Arguments, and Challenges // Discourse Theory in European Politics. Identity, Policy and Governance/ edited by D. Howard and J. Torfing. Palgrave Macmillan Ltd, 2005. - P. 10. 13. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Beacon Press, Boston, 1984. - V 2. - P. 278.